

СУДЪ НАДЪ ТАМБОВСКИМИ ДУХОБОРЦАМИ ВЪ 1803 ГОДУ¹⁾.

В 46 ВЕРСТАХЪ отъ города Тамбова, по большой Моршанской дорогѣ, стоитъ село Троицкая Дуброва. Въ этомъ селѣ въ концѣ прошлаго вѣка жили экономическіе крестьяне-духоборцы. Ихъ было 8 дворовъ. Всѣ дубровскіе духоборцы были люди трезвые, смиренные и трудолюбивые. Мужчины усердно занимались хлѣбопашествомъ, а женщины ткали тонкіе холсты и приготовляли для продажи отличные шерстяные и шелковые кушаки, которые въ прежніе годы извѣсты были въ Тамбовскомъ краѣ подъ именемъ дубровскихъ. Но вотъ въ Троицкую Дуброву поступилъ новый священникъ, отецъ Агеевъ, и разомъ открылъ кампанію противъ мирныхъ сектантовъ. Не желая дѣйствовать на нихъ пастырскимъ словомъ и примѣромъ доброй жизни, онъ объявилъ имъ, что будетъ насильно ходить въ ихъ дома для отправленія разныхъ молитвословій. Очень это не понравилось сектантамъ, но дѣлать было нечего, и они покорились силѣ... Вскорѣ послѣ того въ Троицкой Дубровѣ наступилъ храмовой праздникъ. Послѣ литургіи начались обычныя хожденія причта по крестьянскимъ дворамъ. Къ вечеру священникъ Агеевъ порѣшилъ зайти и къ духоборцамъ... Началъ онъ со двора крестьянина Зота Антиофеева. Послѣ молебна, во время котораго духоборческая семья, хотя и не молилась, стояла чинно, отецъ Агеевъ строго потребовалъ, чтобы Зотъ подходилъ ко кресту. Антиофеевъ отказался. Тогда причетники взяли его за руки, а священникъ Агеевъ насильно приложилъ къ его губамъ св. крестъ. Въ это время взволнованный духоборецъ рванулся и уронилъ крестъ

¹⁾ Статья эта составлена по архивнымъ документамъ тамбовскаго окружнаго суда (дѣло № 47) и тамбовскаго губернскаго правленія (дѣло № 2,309).

на полѣ. Произошла шумная и соблазнительная ссора, во время которой обѣ стороны не щадили самыхъ рѣзкихъ словъ другъ для друга.

— Разбойники вы, а не попы!—шумѣлъ Антюфеевъ.

— А ты проклятый еретикъ!—урезонивалъ его отецъ Агеевъ.

Затѣялось дѣло. Антюфеева и его единовѣрцевъ повезли въ Тамбовъ, въ нижнюю расправу и въ консисторію. Вскорѣ, въ назиданіе и въ страхъ, перваго наказали плетьюми, а всѣхъ остальныхъ духоборцевъ продержали 20 дней въ консисторскомъ карцерѣ, питая ихъ впроголодь хлѣбомъ и водою, а потомъ роздали ихъ для увѣщанія тамбовскимъ городскимъ священникамъ, и они прожили у мѣстныхъ пастырей цѣлый годъ, даромъ работали на нихъ и содержались на свой счетъ. Черезъ годъ всѣ эти духоборцы объявили себя православными. Ихъ крестили, исповѣдали и приобщили св. таинъ. Всѣ они воротились въ Троицкую Дуброву, примиренными видимо, но на самомъ дѣлѣ ихъ терзала лютая злоба противъ священника Агеева, виновника ихъ продолжительныхъ мученій и скитаній. Можетъ быть, именно поэтому троицкіе духоборцы рѣшились переселиться изъ роднаго села за 1¹/₂ версты въ особый починокъ. Это было въ 1785 году.

Послѣ переселенія духоборцы жили въ мирѣ ровно 17 лѣтъ, угождая причту и полиціи, а также не забывая и своихъ выгодъ. Въ 1802 году, въ Троицкомъ духоборческомъ починкѣ было уже 12 дворовъ, хорошо обстроенныхъ и обильныхъ всякою деревенскою живностію. Но именно въ этомъ-то году снова нарушилась мирная жизнь троицкихъ духоборцевъ.

На святки въ 1802 году священникъ Агеевъ, отъ своеобразной ревности или изъ корысти, вздумалъ славить Христа и въ духоборческихъ домахъ. Ночнымъ временемъ и въ пьяномъ образѣ, съ пьяными причетниками и ихъ семействами, въ количествѣ 14 человекъ, онъ вошелъ къ духоборцу Петру Дробышеву, прославилъ Христа и позвалъ всю семью ко кресту. Тѣ не пошли. Тогда отецъ Агеевъ началъ крестомъ своимъ бить всѣхъ духоборцевъ и громко требовалъ съ нихъ угощенія и денегъ за работу. Такимъ же образомъ троицкій причтъ обошелъ и остальные духоборческіе дворы. Въ каждой избѣ священникъ билъ непокорливыхъ сектантовъ, подѣлавъ имъ боевые знаки, и неистово требовалъ съ нихъ денегъ.

На слѣдующій день, въ домѣ духоборца Гаврила Шапкина состоялась духоборческая сходка. Обиженные сектанты сговорились объявиться троицкому головѣ и всему сельскому міру и съ ихъ вѣдома просить губернское начальство о покровительствѣ и защитѣ. И вотъ, 3-го января 1803 года, крестьянинъ Шапкинъ явился въ качествѣ духоборческаго ходока съ прошеніемъ къ тамбовскому губернатору А. Б. Палицыну. Началось обычное слѣдствіе, порученное стряпчему Муратову и дворянскому засѣдателю фонъ-Мениху.

Муратовъ и фонъ-Менихъ сами только-что освободились отъ суда уголовной палаты, съ оставленіемъ въ сильномъ подозрѣніи за лихоимство, удостовѣренное тамбовскимъ предводителемъ дворянства Араповымъ. И если судъ былъ къ нимъ снисходителенъ, то только потому, что не могъ разрѣшить: кто именно бралъ взятки — Муратовъ или фонъ-Менихъ, или же они брали оныя общественно... Тамбовская уголовная палата обязала этихъ подсудимыхъ подпискою впредь не навлекать на себя подозрѣній и прежнія подозрѣнія ревностною службою изгладить. И вотъ они отправились производить дознаніе о священникѣ и о духоборцахъ села Троицкой Дубровы.

Слѣдователи донесли губернатору, что священникъ Агеевъ, хотя и зашибался хмѣлемъ, какъ и прочіе живущіе въ округѣ священники, однако священствовалъ 21 годъ и отъ всѣхъ прихожанъ имѣлъ отмѣнное по его сану уваженіе. Одни только духоборцы, по словамъ Муратова и фонъ-Мениха, досаждали Агееву грубымъ и дерзкимъ съ нимъ обращеніемъ, въ особенности Шапкинь и Антюфеевъ, въ домахъ которыхъ происходили, кромѣ того, еретическія собранія, соблазнявшія православный народъ. Многихъ троицкихъ духоборцевъ, въ томъ числѣ купца Крылова, слѣдователи забрали и отправили въ Тамбовъ, въ земскій судъ. Тогда губернаторъ написалъ объ этомъ дѣлѣ министру графу Кочубею. Тотъ доложилъ о дубровскихъ духоборцахъ самому государю, и вскорѣ на имя тамбовскаго губернатора Палицына послѣдовалъ императорскій рескриптъ слѣдующаго содержанія.

«Со стороны гражданскаго начальства надлежитъ наблюдать, чтобы сектанты не дозволяли себѣ оказывать священникамъ грубостей или презрѣнія, а паче не допускать, чтобы явнымъ разглашеніемъ своей ереси причиняли они соблазнъ правовѣрнымъ, за чтѣ и предавать ихъ, какъ нарушителей общаго порядка, суду по законамъ».

Троицкихъ духоборцевъ стали судить въ тамбовскомъ уѣздномъ судѣ. Здѣсь они показали, по поводу обвиненія ихъ въ измѣнѣ православію, что тамбовскіе священники угрозами склонили ихъ къ наружному принятію господствующей вѣры, пугая ихъ вѣчною разлукою съ семействами. При дальнѣйшемъ судопроизводствѣ духоборцы смѣло высказывали свое вѣроученіе. Они объявили суду, что не почитаютъ православной церкви, животворящаго креста, св. евангелія, иконъ — издѣлій рукъ человѣческихъ; креста рукою на себѣ не изображаютъ и на груди рукотвореннаго креста не носятъ, но крестятся словомъ Божіимъ: во имя Отца и Сына и св. Духа; таинствъ причащенія, покаянія, крещенія и прочихъ не принимаютъ; священниковъ ненавидятъ, въ дома къ себѣ не пускаютъ; имѣютъ же у себя единаго священника преподобнаго и

праведнаго, который есть Господь Богъ... Установленныхъ церковію постовъ не признають, а всегда ѣдятъ молоко и мясо, кромѣ свинаго, чтобъ за яденіе его не подвергнуться одной участи съ православными и не погибнуть... Новорожденныхъ дѣтей оставляють безъ крещенія на всю жизнь. Браковъ не имѣють, а живутъ по любви, кому съ кѣмъ угодно. Умершихъ хоронять дома, и служатъ Богу духомъ, изъ духа берутъ, духомъ водятся, духомъ бодрствуютъ и утверждаютъ, отъ духа мечъ принимаютъ и этимъ духовнымъ мечомъ воинствуютъ и все имъ одолѣвають...

Когда же дѣло во время духоборческихъ показаній дошло до отношенія сектантовъ къ предержавшей власти, то ихъ тонъ замѣтно понизился. Го сударя,—свидѣтельствовали они,—мы весьма почитаемъ, властямъ повинуемся, запрещенныхъ сборищъ не имѣемъ, по селу съ пѣніемъ духоборческихъ пѣсенъ не ходимъ и въ секту свою православныхъ не склоняемъ.

Для обличенія духоборцевъ тамбовскій епископъ Феодилъ прислалъ въ уѣздный судъ ректора семинаріи протоіерея Шиловскаго, но сектанты, не смотря на сложныя и продолжительныя миссіонерскія толкованія, остались непреклонны въ своихъ вѣрованіяхъ и твердо объявили, что православной вѣры они не хотятъ принимать и не могутъ.

Тогда судъ опредѣлилъ крестьянъ Шапкина и Антюфеева сослать въ городъ Колу, предварительно наказавъ ихъ кнутомъ; другихъ же сектантовъ: Петра Дробышева, Филиппа Дубасова большаго, Филиппа Дубасова меньшаго, Сергѣя Мукосѣева, Аѳанасія Антюфеева и Павла Замятнина, нещадно высѣчь плетью въ селѣ Троицкой Дубровѣ и оставить дома, но не выбирать въ общественныя должности и не допускать до участія въ мірскихъ сходкахъ и совѣтахъ. А всѣхъ дѣтей духоборческихъ судъ велѣлъ обязательно крестить. Это рѣшеніе было составлено 30-го марта.

Немедленно двое духоборцевъ отправлены были въ Колу, а 13-го апрѣля 1803 года, въ Ооминъ понедѣльникъ, въ селѣ Троицкой Дубровѣ, при огромномъ стеченіи народа, и остальные приговоренные духоборцы подверглись тяжелой участи: ихъ нещадно высѣкли и еле живыхъ сдали сельскому сотскому подъ росписку... Донесеніе объ этомъ пришло въ тамбовскій земскій судъ 16-го апрѣля. Въ тотъ же день въ Тамбовѣ случилось слѣдующее замѣчательное происшествіе.

Утромъ, въ седьмомъ часу, на губернаторскій дворъ въѣхалъ одинъ крестьянинъ и остановился у главнаго подъѣзда. Стоявшій на часахъ рядовой губернской роты спросилъ его:

— Что ты за человѣкъ?

Крестьянинъ, не отвѣчая на вопросъ, самъ спросилъ часоваго:

— Дома ли губернаторъ?

— Дома нѣтъ, — съ важною сказалъ губернской охранитель: — онъ уѣхалъ въ Кирсановъ.

Тогда прїѣзжій просилъ доложить о себѣ губернаторшѣ, что онъ привезъ его превосходительству знатный гостинецъ. Съ этими словами онъ отѣхалъ на середину двора и выпрягъ лошадей. Въ это время губернаторской дворецкїи, Кузьминѣ, съ дворовыми открылъ часть торпища, которымъ покрытъ былъ возъ, и съ изумленіемъ увидѣлъ, что въ телѣгѣ лежало мертвое, уже разлагавшееся, тѣло. Мертвое тѣло и привезшаго его крестьянина, конечно, взяли въ полицію.

На допросѣ въ полиціи крестьянинъ показалъ: «Звать меня Зотомъ, я — Ананьинъ сынъ Мукосѣевъ; на исповѣди и у причастія не бывалъ; читать и писать не умѣю». Далѣе онъ объявилъ слѣдующее.

13-го апрѣля, сотскій сказалъ ему, что въ Троицкую Дуброву прибылъ дворянскій засѣдатель фонъ-Менихъ съ сельскимъ засѣдателемъ, штабъ-лѣкаремъ, приказнымъ и двумя солдатами для сѣченія духоборцевъ. Наѣхавшее начальство сгоняло народъ на общественный выгонъ, гдѣ уже грозно возвышались атрибуты торговой казни. Но Зотъ Мукосѣевъ сотскаго не послушался и ушелъ въ поле по своимъ дѣламъ. Вскорѣ, возвращаясь домой, онъ увидалъ, что крестьянинъ Ермаковъ велъ подъ руку роднаго его брата Сергѣя, за которымъ шло множество крестьянъ и крестьянокъ. Сергѣй едва держался на ногахъ отъ жестокаго сѣченія и всю ночь, не смыкая глазъ, стоналъ и охалъ. Братъ пробылъ около него до утра и потомъ пошелъ навѣстить другихъ наказанныхъ духоборцевъ. Зотъ Мукосѣевъ сперва зашелъ къ духоборцу Петру Дробышеву и нашелъ его уже мертвымъ. Около мертвеца сидѣлъ его малолѣтній сынъ и горько плакалъ. Тутъ же сошлись и всѣ взрослые троїцкіе духоборцы и совѣщались о томъ, какъ поступить съ мертвымъ тѣломъ. Наконецъ, они порѣшили отвезти тѣло въ Тамбовъ и представить его самому губернатору и въ то же время просить его снова о защитѣ отъ полицейскихъ притѣсненій. Исполнителемъ этого рѣшенія былъ избранъ Зотъ Мукосѣевъ.

Въ полиціи привезенное Мукосѣевымъ мертвое тѣло стали свѣдѣтельствовать члены врачебной управы, обще съ городничимъ и уѣзднымъ стряпчимъ. Оказалось, что вся спина, сѣдалище и лядвеи мертвеца сильно распухли и были сине-багроваго цвѣта, а сердце и легкія наполнены были кровью и почернѣли. Слѣдователи заключили, что смерть Дробышева послѣдовала отъ апоплексическаго удара. Тѣло его предали землѣ.

Въ день погребенія Дробышева въ полиціи снова допрашивали Зота Мукосѣева, и такъ какъ онъ заявилъ, что наказанные троїцкіе духоборцы мало подають надежды на выздоровленіе, то, по

распоряженію губернатора, въ Троицкую Дуброву посланы были губернскойіи стряпчій Муратовъ, исправникъ Шатиловъ и штабъ-лѣкаръ Друговъ, для свидѣтельства и для помощи. Пока коммиссія собиралась въ дорогу, въ Троицкой Дубровѣ умеръ еще одинъ наказанный духоборецъ—Филиппъ Дубасовъ большой.

Чиновники, по прибытіи въ Троицкую Дуброву, приступили къ допросу обывателей.

— Гдѣ умершій Филиппъ Дубасовъ?—спросилъ исправникъ.

— Запертъ въ амбарѣ,—отвѣчали ему:—а около той клѣти сидятъ крестьяне Ефимъ, Ѳедотъ и Даниль Антюфеевы, а ключъ отъ клѣти у сына умершаго, Логина, который уѣхалъ въ Тамбовъ жаловаться губернатору на засѣдателя фонъ-Мениха, который засѣкъ его отца.

Слѣдователи зашли въ избу Филиппа Дубасова и нашли въ ней двухъ больныхъ женщинъ: вдову хозяина и ея невѣстку. Женщины, видимо, поражены были постигшимъ ихъ несчастіемъ и на вопросы начальства не стали и не могли отвѣчать. Женщинъ взяли подъ карауль.

Зашли послѣ того во дворъ къ Дробышеву и нашли тамъ его сына Якова; забрали подъ карауль и этого.

На утро приступили къ тѣлу Филиппа Дубасова, но вслѣдствіе сильнаго разложенія его отъ вскрытія отказались и объяснили его смерть принятіемъ яда внутри или понаружи. Относительно другихъ наказанныхъ духоборцевъ слѣдователи выразились такъ: «Тѣ духоборцы нимало несумнѣнны и неопасны въ жизни и наказаніе онымъ было соразмѣрно».

По окончаніи слѣдствія и всѣхъ судебныхъ формальностей, Зота Мукосѣева приговорили къ наказанію кнутомъ и ссылкой въ Колу; сектантовъ Ефима, Ѳедота и Данила Антюфеевыхъ, Логина и Филиппа меньшаго Дубасовыхъ рѣшили высѣчь плетью и оставить дома. Изъ подсудимыхъ остались ненаказанными только Яковъ Дробышевъ и Алексѣй Дубасовъ, такъ какъ они были малолѣтніе и отъ ереси отреклись.

Относительно засѣченныхъ духоборцевъ Дробышева и Дубасова уголовная палата выразилась такъ: «Случай ихъ смерти предать суду и волѣ Божіей, пока впредь само по себѣ что либо откроется или со стороны доказано будетъ».

Между тѣмъ на имя тамбовскаго губернатора послѣдовалъ высочайшій указъ. Этимъ указомъ повелѣвалось:

1) Отвести духоборцамъ въ удаленіи отъ селеній небольшіе участки земли для кладбищъ, такъ какъ погребеніе мертвыхъ тѣлъ въ домахъ ни подъ какимъ видомъ не должно быть терпимо; погребать же на общихъ церковныхъ кладбищахъ духоборцевъ, какъ умершихъ внѣ церкви, запрещаютъ общія постановленія.

2) Назначивъ духоборцамъ такіе участки, строго взыскивать, чтобы они умершихъ своихъ тамъ и хоронили, и въ случаѣ нару-

шенія духоборцами этого правила предавать ихъ суду не за ересь, но за нарушеніе общей безопасности, и по суду ссылатъ ихъ въ городъ Колу.

3) Правила, на терпимость духоборческой секты принятія, распространить и на некрещеніе младенцевъ; мѣстное начальство должно только смотрѣть, чтобы духоборцы не разглашали своей ереси внѣ семействъ ихъ и не дѣлали ей никакихъ явныхъ оказательствъ подъ страхомъ суда и наказанія.

Относительно привоза мертвого тѣла въ домъ губернатора повелѣвалось тщательно разузнать о причинѣ смерти духоборца и предать суду исправника Шатилова и городничаго Керна за нерадѣніе ихъ къ служебнымъ обязанностямъ...

Вслѣдствіе этого императорскаго указа духоборческое дѣло стали разсматривать вновь, причемъ открылись относительно фонъ-Мениха вопіющія подробности. Прибывъ въ Троицкую Дуброву въ нетрезвомъ видѣ, онъ съ шумомъ вошелъ въ духоборческое собраніе и сталъ грубо и непристойно привязываться къ двумъ духоборкамъ. Это было въ январѣ. Не смотря на январскій морозъ, фонъ-Менихъ растворилъ двери собранія и громко говорилъ: «Пусть всѣ духоборцы подохнуть отъ холода». На другой день фонъ-Менихъ требовалъ съ духоборцевъ 100 рублей и, не получивъ ихъ, разсердился, кричалъ на духоборцевъ и наказывалъ ихъ въ 3 ямскихъ кнута. Но этого было мало. Духоборцевъ привязывали къ повозкамъ и телѣгамъ, рвали имъ усы и бороды, мазали ихъ дегтемъ и грязью и иными стыдными образами издѣвались надъ ними.

Въ это грозное для тамбовскихъ духоборцевъ время нашихъ сектантовъ, по человѣколюбію, пожалѣлъ только одинъ тамбовскій чиновникъ, уѣздный стряпчій Павловскій. Онъ на свой страхъ освобождалъ ихъ, во время продолжительнаго слѣдствія, кого отъ тюрьмы, кого отъ ножныхъ и ручныхъ колодокъ, смотря по обстоятельствамъ.

Тамбовская уголовная палата вновь взялась за дѣло мѣстныхъ духоборцевъ съ замѣчательною энергіею. Минуя губернатора, на томъ основаніи, что онъ не могъ быть судьей въ собственномъ дѣлѣ, она вошла съ особымъ представленіемъ, подробно и обстоятельно мотивированнымъ, въ сенатъ, который постановилъ смягчить наказаніе тамбовскихъ духоборцевъ. Ихъ наказаніе ограничило батожемъ, отъ 10 до 20 ударовъ. Исправникъ и городничій были совершенно оправданы. Но въ то же время правительствующій сенатъ, въ огражденіе губернаторской власти, подвергъ членовъ тамбовской уголовной палаты штрафу въ 100 рублей за то, что они не отослали своего рѣшенія на губернаторское соглашеніе.

Впослѣдствіи все это дѣло во всѣхъ его подробностяхъ министромъ юстиціи княземъ П. В. Лопухинымъ доложено было самому

государю. А между тѣмъ и еще явилась новая жертва по дѣлу: въ тамбовской тюрьмѣ умеръ Зоть Мухосѣевъ...

16 декабря 1804 года, послѣдовало высочайшее разрѣшеніе на переселеніе въ Таврическую губернію на Молочныя Воды всѣхъ духоборцевъ Тамбовской губерніи, въ томъ числѣ и духоборцевъ села Троицкой Дубровы, въ огражденіе ихъ отъ неумѣстныхъ и напрасныхъ притязаній въ отношеніи къ образу ихъ мыслей о религіи. Вѣсть объ этомъ разрѣшеніи принята была нашими духоборцами съ полнымъ восторгомъ. Всѣ они, назвавшись братьями, составили одну семью и въ 1805 году основали въ Мелитопольскомъ уѣздѣ слободу, которую весьма выразительно назвали Терпѣніемъ. Въ 1813 году, переселеніе тамбовскихъ духоборцевъ завершилось.

Уголовная палата судила въ свое время и прикосновенныхъ къ дѣлу чиновниковъ. При этомъ она обнаружила замѣчательную снисходительность. Объ исправникѣ Шатиловѣ, который издѣвался надъ духоборцами, палата отозвалась такъ: «сей поступокъ исправника Шатилова и по существу дѣла неимовѣренъ». О лѣкарѣ Друговѣ, принимавшемъ весьма дѣятельное участіе въ дубровскихъ истязаніяхъ, палатскіе чиновники выразились такъ: «чтобы дѣйствія сіи учинялъ штабъ-лѣкаръ Друговъ, сему дать вѣру невозможно». Нѣкоторые палатскіе дѣльцы доходили въ своихъ стремленіяхъ обѣлить чиновниковъ Муратова и самого фонъ-Мениха до того, что ихъ вопіющія злоупотребленія именовали законными секретными и тонкими манерами. Какъ бы то ни было, дѣло о тамбовскихъ духоборцахъ получило обширную огласку, и Муратовъ съ фонъ-Менихомъ заплатились. Муратовъ навсегда отрѣшонъ былъ отъ службы, а фонъ-Менихъ, какъ главный преступникъ, кромѣ того, лишонъ былъ чиновъ и преданъ на 2 года церковному покаянію. Церковная эпитимія была исполнена имъ, по назначенію тамбовской консисторіи, въ Троицкомъ Лебедянскомъ монастырѣ. Отчасти понесъ отвѣтственность за свои дѣянія и лѣкаръ Друговъ. Его отрѣшили отъ должности уѣзднаго врача.

Долгое пребываніе фонъ-Мениха въ монастырѣ, подъ церковнымъ началомъ и среди такихъ воспоминаній, которыя неволью должны были привлекать сердце его къ жалости и покаянію, не исправило его. Онъ возвратился въ свое имѣніе, село Духовку, еще болѣе озлобленный, зажилъ совершенно праздною жизнью и сталъ обращаться съ своими крестьянами крайне безчеловѣчно. Конецъ его жизни былъ трагическій. 12-го августа 1820 года, онъ былъ убитъ въ собственномъ саду, во время послѣобѣденнаго отдыха, собственнымъ крѣпостнымъ поваромъ, которому обѣщано было изысканно-суровое наказаніе на конюшнѣ. Убіиство совершено было звѣрски, топоромъ, причемъ весь мозгъ вышелъ изъ костяныхъ покрововъ.

И. Дубасовъ.